

ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ РАЗРЕШИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В советское время устоявшимся подходом к исследованию разрешительной системы являлось определение её как совокупности правил, регламентирующих порядок производства, приобретения, пользования, сбыта, перевозки таких предметов и веществ как оружие, боеприпасы, яды, взрывчатые материалы и т. п., а также открытия и функционирования некоторых предприятий (магазинов для торговли оружием, стрелковых тиров, оружейно-ремонтных мастерских и т. п. В настоящее время в науке административного права сформировался более широкий подход к пониманию этого института как особой разновидности государственно-управленческих отношений, содержанием которых является санкционирование, официальное признание допуска субъектов в сферы деятельности, где требуется профессиональное выполнение разнообразных квалификационных и административных требований во избежание негативных последствий [1, с. 6].

Существование разрешительной системы обусловлено установлением запретов в соответствующей сфере. Правовой запрет представляет собой многоаспектное явление, относительно сущности которого отсутствует единое мнение. Так, А.В. Малько называет запреты юридическими средствами ограничивающего плана [2, с. 236] и относит их наряду с наказаниями, обязанностями и другими негативными средствами к правовым ограничениям [3, с. 15]. Под запретом указанный автор понимает государственно-властное сдерживающее средство, которое под угрозой ответственности должно предотвращать возможные нежелательные, противоправные деяния, причиняющие вред как личным, так и общественным интересам [4, с. 95]. Н.Г. Александров, выделяя четыре формы воздействия права на общественные отношения (установление запретов совершать действия определенного рода; определение круга действий, которые государство разрешает совершать; оформление компетенции органов государства; установление взаимосвязи между участниками общественных отношений в виде правоотношений), рассматривает правовые запреты как проявление первой из указанных форм [5, с. 191–195]. Сущность запрета он видит в эвентуальной обязанности всякого и каждого воздерживаться от его нарушения [6, с. 9]. А.Г. Братко предлагает рассматривать запрет как принцип права и как норму права, а также различать запрет как составную часть нормы права и как элемент правоотношения [7, с. 84]. Правовой запрет он определяет как обусловленное социальной необходимостью государственно-властное, императивное веление, указывающее на обязанность лица воздерживаться от действий, причиняющих существенный вред интересам личности и общества [8, с. 88]. С.С. Алексеев полагает, что всякий запрет в праве представляет собой юридическую обязанность пассивного типа [9, с. 48]. Выделяя общие и индиви-

дуальные запреты, он отмечает, что общие дозволения и общие запреты, представляя собой «... самостоятельные, особые, субстанционные правовые явления (они одновременно имеют черты и юридических норм, и юридических прав и обязанностей, но не сводимы ни к тому, ни к другому), ... выполняют в правовом регулировании общую регулятивно-направляющую роль и, выступая для субъектов в виде определенной меры свободы (долга), одновременно действуют через всю систему связанных с ними юридических норм и их комплексов» [10, с. 274]. С юридическими нормами общие запреты роднит то, что они, подобно нормам, могут рассматриваться как общие правила, имеют общий характер, распространяются на неопределенный круг лиц, призваны направлять поведение участников общественных отношений, а с субъективными обязанностями они сходны в том, что подобно последним, непосредственно выражают социальный долг, в этом качестве действуют как таковые, сразу же могут переходить в фактическое поведение участников общественных отношений. Однако, в сопоставлении с юридическими нормами общие запреты не представляют собой формально-определенные правила и могут лишь выражаться в них, а в отличие от субъективных обязанностей общие запреты не имеют конститутивной черты последних, состоящей в том, что они именно «субъективны», т. е. обладают такой степенью и таким характером индивидуализации, когда участники общественных отношений являются их носителями [9, с. 228–229]. Поэтому С.С. Алексеев предлагает рассматривать их в качестве общих регулятивных (правовых) начал [9, с. 231].

Содержание правового запрета заключается в возложении на лицо обязанности воздерживаться от совершения определенных действий. Отдельные исследователи придерживаются иной точки зрения. Так, Н.Н. Семенюта утверждает, что запрет представляет собой не один, а два возможных варианта проявления в поведении – обязанность воздерживаться от совершения действия (обязанность пассивного поведения) и от бездействия (обязанность активного поведения) [11, с. 13]. Такая позиция указанного автора вызвана отрицанием существования позитивного обязывания и попыткой обоснования наличия только двух основных форм правового регулирования – дозволения и запрета. Каждая из этих форм «... имеет две стороны, два возможных вида внешнего проявления (на уровне единичного (элементарного) действия или бездействия). Запрет и дозволение – не только не существуют друг без друга, но это взаимодействие имеет довольно отчетливый характер: в конкретной правовой норме или правоотношении одному элементу любой из этих форм регулирования соответствует другой – с противоположной «заряженностью» [11, с. 13]. Действительно, запреты и дозволения можно рассматривать как парные, противоположные категории, которые взаимно обуславливают и, одновременно, исключают друг друга. Однако, на наш взгляд, при таком подходе к исследованию сущности данных правовых явлений мы сталкиваемся с ошибкой в делении понятия, поскольку предлагаемые основания для

выделения его элементов неравноценны. Содержание дозволения составляют два права: 1) совершить определенное действие; 2) воздержаться от совершения этого же действия. Причём оба указанных варианта носят альтернативный характер и являются правомерными. Поэтому субъект свободен в предоставленном ему выборе модели дальнейшего поведения. Если исходить из предположения о том, что содержание запрета составляют две обязанности: 1) воздержаться от совершения определенного действия; 2) совершить определенное действие (воздержаться от бездействия), – то мы лишаем субъекта возможности выбора, поскольку он, будучи обязанным совершить данное действие, в случае его несовершения нарушает правовое предписание, и избранный им вариант является неправомерным. Таким образом, предложенные модели поведения не являются альтернативными.

Запрет приобретает общеобязательный характер в том случае, когда он закреплен в правовой норме. Соблюдение такого запрета обеспечивается государственным принуждением. По вопросу способов внешней объективизации юридического запрета в литературе высказываются различные мнения. С.С. Алексеев полагает, что запрет может воплощаться в самостоятельных запрещающих нормах, а также содержаться в скрытом виде в тексте нормативных охранительных положений [9, с. 50]. Н.Н. Рыбушкин более категоричен в этом вопросе, утверждая, что запрет, как средство правового регулирования, используется законодателем только в запрещающих нормах права при формировании их диспозиций [12, с. 11]. При этом он отмечает, что законодатель при формулировании диспозиции запрещающих норм термин «запрещается», как правило, не употребляет, но подразумевает его. Поэтому формулировки таких норм нуждаются в логическом преобразовании [13, с. 29]. В.П. Реутов допускает наличие запретов в обязывающих нормах [14, с. 27]. По мнению А.Г. Братко любая правовая норма содержит запрет [15, с. 11]. Анализируя механизм обособления правовых запретов в запрещающие нормы, он приходит к выводу о существовании эксплицитных и имплицитных запретов. Первый является элементом запрещающей нормы права, а второй представляет собой запрет в широком смысле слова и выполняет превентивную функцию, но «... поскольку он как бы растворен в правовой норме, эта его функция не является основной, а скорее выступает как вспомогательная управомочивающих и обязывающих норм» [8, с. 34]. Н.Г. Александров по данному вопросу лишь отмечает, что существует некая группа юридических норм, устанавливающих общие запреты совершать известные действия. Эти нормы предусматривают всеобщую эвентуальную обязанность воздерживаться от совершения запрещенных действий и соответствующее эвентуальное право компетентных органов пресекать такие действия и привлекать к ответственности нарушителей [16, с. 89–90].

Представляется, что столь узкий подход к исследуемой проблеме, предложенный Н.Н. Рыбушкиным, излишне упрощает такое сложное и многогранное правовое явление, которым является юридический запрет. Позиция

С.С. Алексеева также представляется дискуссионной, тем более, что он сам обращает внимание на такую особенность данного феномена как формулирование общего запрета в его противоположности – дозволении [10, с. 270], а также отмечает: «... при разрешительном регулировании правовые запреты «растворены» в содержании управомочивающих норм» [17, с. 106]. Например, несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет вправе самостоятельно совершать: 1) мелкие бытовые сделки; 2) сделки, направленные на безвозмездное получение выгод, не требующие нотариального удостоверения или оформления либо государственной регистрации; 3) сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или свободного распоряжения [18, п. 2 ст. 27]. Являясь по своему характеру управомочивающей, данная норма имплицитно содержит в себе запрет на самостоятельное совершение малолетним лицом иных сделок. Обязывающая норма, согласно которой плательщики налогов, сборов (пошлин) обязаны обеспечивать в течение сроков, установленных законодательством, сохранность документов бухгалтерского учета, учета доходов (расходов) и иных объектов налогообложения, других документов и сведений, необходимых для налогообложения [19, пп. 1.11 п. 1 ст. 22], запрещает уничтожение соответствующих документов и сведений до истечения сроков их хранения. В подобных случаях запрет, хотя словесно не сформулирован, логически предполагается. Однако согласиться с утверждением А.Г. Братко о том, что любая правовая норма содержит запрет, не представляется возможным. В качестве элемента нормы права запрет, как правило, включается в диспозицию, но иногда он может выступать в виде санкции (запрет эксплуатации зданий, налагаемый органами государственного пожарного надзора в случае, если они функционируют с нарушением требований технических нормативных правовых актов системы противопожарного нормирования и стандартизации [20, ч. 1 ст. 36]).

В юридической литературе запреты классифицируют по различным основаниям. А.Г. Братко по характеру правовой информации подразделяет запреты на информационные (содержат информацию о недозволенном поведении) и элементарные (как правило, не формулируются в нормативных актах, а подразумеваются; информация о них сосредоточена не в диспозиции, а санкции правовой нормы); по юридической силе – на установленные законами и подзаконными актами; по субъектам – на общие и местные (локальные); по времени – на постоянные и временные; по характеру социальной и политической обстановки – на обычные и исключительные; по отраслям права – на государственно-правовые, административно-правовые, уголовно-правовые и т. д. [15, с. 13–14]. На наш взгляд, необходимо различать абсолютные и относительные запреты. Абсолютные запреты установлены в отношении противоправных деяний. Эти запреты, как правило, содержатся в диспозициях правовых норм, предусматривающих юридическую ответственность за их несоблюдение. Они полностью запрещают определенное поведе-

ние и исключают возможность признания его соответствующим требованиям законодательства. В то же время осуществление отдельных видов деятельности связано с потенциальной опасностью для жизни и здоровья граждан, национальной безопасности и т. п. В подобных случаях коллизия между общественной потребностью и риском возникновения негативных последствий порождает необходимость установления относительных запретов, которые допускают существование исключений из запрещенного. В свою очередь, наличие таких запретов обусловило создание механизма, позволяющего получить право на совершение тех действий, в отношении которых действует запрет. Частью этого механизма является разрешительная система, при помощи которой может быть преодолен барьер, установленный относительным запретом.

Полагаем, что разрешительную систему можно представить как совокупность средств, при помощи которых производится допуск к осуществлению условно дозволенной деятельности в порядке, установленном законодательством. В научных исследованиях по данной проблеме некоторые авторы используют термины «лицензионно-разрешительная система» и «лицензионно-разрешительная деятельность». Полагаем, что лицензирование является элементом разрешительной системы и его не следует отождествлять со всей разрешительной системой. Помимо лицензий действующее законодательство предусматривает необходимость получения самых разнообразных разрешений на осуществление определенной деятельности или совершение тех или иных действий. Так, Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и его территориальные органы выдают разрешения на специальное водопользование, выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, выполнение работ по активному воздействию на метеорологические и другие геофизические процессы; органы внутренних дел – на право занятия иностранными гражданами и лицами без гражданства трудовой и предпринимательской деятельностью, приобретение оружия и боеприпасов, хранение и ношение наградного оружия; таможенные органы – на транзит товаров военного назначения, ввоз и вывоз транспортного средства международной перевозки; Государственный пограничный комитет Республики Беларусь – на осуществление хозяйственной деятельности в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь; Национальный банк Республики Беларусь – на проведение валютных операций, открытие счетов за пределами Республики Беларусь, продление сроков завершения внешнеторговых операций и др. Представляется, что институционально разрешительная система включает в себя лицензирование и концессию (от лат. *concedo* – разрешать). Сравнительный анализ особенностей предоставления разрешений и лицензий позволяет выделить следующие различия между ними:

1. Лицензиатами являются юридические лица и индивидуальные предприниматели. Разрешения могут выдаваться не только указанным кате-

гориям соискателей, но и физическим лицам (хранение и ношение наградного оружия, приобретение радиоэлектронных средств);

2. Разрешения могут выдаваться не только государственными органами, но и специально уполномоченными на это организациями (разрешения на допуск транспортного средства к участию в дорожном движении оформляются Республиканским унитарным сервисным предприятием «Белтехосмотр», на проезд тяжеловесных и (или) крупногабаритных транспортных средств по автомобильным дорогам – Республиканским унитарным предприятием «Белорусский дорожный инженерно-технический центр»). Полномочиями по лицензированию наделены органы государственного управления;

3. Разрешение может предоставляться в виде отдельного документа установленной (на специальное водопользование, на ввоз, вывоз или транзит условно патогенных и патогенных генно-инженерных организмов) или произвольной формы (на проведение валютных операций, связанных с движением капитала, на направление граждан Республики Беларусь, обучающихся в организациях системы образования Республики Беларусь, на учебу за границу, для участия в течение учебного года в спортивных, культурных и иных массовых мероприятиях), а также путем совершения разрешительной записи (на ввоз транспортного средства международной перевозки, зарегистрированного на территории иностранного государства, на выезд на оздоровление за рубеж детей). Для лицензий установлена определенная документарная форма;

4. Разрешения могут носить интрактивный (от лат. *intra* – внутри и *actio* – действие) и экстрактивный (от лат. *extra* – вне и *actio* – действие) характер. В первом случае обладатель разрешения посредством его получения удовлетворяет только собственные потребности (занятие иностранными гражданами и лицами без гражданства трудовой и предпринимательской деятельностью, эксплуатация радиоэлектронных средств радиолителем), а во втором – оно позволяет ему вступать в отношения с третьими лицами с целью удовлетворения их потребностей (изготовление, ремонт цистерн, емкостей, тары, упаковок и оборудования для перевозки опасных грузов автомобильным транспортом, эксплуатация специально оборудованных помещений (мест) и размещенного в них кино- или видеопроекторного оборудования, предназначенных для показа фильмов). Лицензия всегда имеет экстрактивный характер;

5. Разрешения выдаются на совершение как единичного действия (на разовый международный полет воздушного судна, на въезд и пребывание иностранного гражданина на территорию, на которой введено чрезвычайное положение), так и ряда однородных действий, составляющих содержание определенной деятельности (на эксплуатацию головной станции системы кабельного телевидения, на производство работ по переоборудованию автомобильных транспортных средств для работы на газовом топливе). При этом в разрешениях зачастую указываются количественные параметры соответст-

вующей деятельности (на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, на захоронение и хранение отходов производства). Лицензия не содержит подобных ограничений и предоставляет право на осуществление соответствующей деятельности, а не разового действия;

б. Лицензия носит срочный характер, в то время как действие разрешения может быть ограничено определенным сроком (на осуществление деятельности с использованием сведений, составляющих государственные секреты, на право использования радиочастотного спектра при эксплуатации радиоэлектронных средств) и быть бессрочным (на распространение на территории Республики Беларусь продукции иностранного средства массовой информации, на открытие подготовки специалистов по новым специальностям).

Необходимо отметить, что из изложенного выше возможны исключения. Так, специфика банковской деятельности обусловила бессрочный характер соответствующей лицензии. Соискателями лицензий на осуществление адвокатской и частной нотариальной деятельности являются физические лица, но ряд особенностей этой деятельности (инициативность, индивидуальность, возмездность и т. д.) роднит её с предпринимательской. В то же время установление разрешительного порядка осуществления экспорта и импорта отдельных товаров по своей сути является концессией. Однако в силу сложившейся традиции (в советское время лицензирование применялось только в сфере внешней торговли) и употребления данного термина в международных соглашениях в отечественном законодательстве устоявшимся является подход, в соответствии с которым выделяется институт лицензирования внешнеторговых операций.

Современное лицензионное законодательство Беларуси включает в себя пять относительно самостоятельных блоков: о лицензировании банковской деятельности; о лицензировании деятельности, связанной со специфическими товарами; о лицензировании ввоза и вывоза специфических товаров; о лицензировании экспорта и импорта товаров; о лицензировании иных видов деятельности.

Институт лицензирования как элемент разрешительной системы неоднороден. В его структуре можно выделить лицензирование деятельности (предпринимательской и профессиональной) и лицензирование отдельных действий. Представляется, что правовая природа правомочий лицензиата в этих случаях различна. Для ее определения необходимо исследовать влияние факта наличия лицензии на правоспособность и субъективные права лицензиата, а также особенности правового регулирования в соответствующей сфере. Отличительной чертой правоспособности как возможности иметь любые, признанные законом права и принимать на себя обязанности, является абстрактный характер, а субъективного права как принадлежащего определенному субъекту наличного, существующего права – конкретный характер. Так, С.Н. Братусь отмечает, что правоспособность – это «... необходимое условие для правообладания, т.е. необходимая предпосылка субъективного

права. Правоспособность как возможность иметь любые, признанные законом права и принимать на себя обязанности – абстрактная, т.е. общая возможность, принадлежащая всякому и каждому. Иначе говоря, правоспособность – это только возможность быть субъектом всех тех прав и обязанностей, которые признаны и допущены объективным правом» [21, с. 5]. Отличие гражданской правосубъектности* от порождаемых на ее основе субъективных прав заключается в том, что она – обобщенное выражение тех возможностей поведения, которые конкретизируются в дальнейшем в точно определенных отдельных возможностях [22, с. 18]. В.В. Кудашкин в качестве отличительных признаков правоспособности называет постоянность повторения юридически значимых действий, неопределенность их конкретного содержания и относительную неопределенность конкретных объектов гражданских прав, в отношении которых совершаются эти действия, а субъективного права – разовость и конкретность правомочий в рамках совершаемой сделки [23, с. 22–23]. Абстрактный характер правоспособности отмечает и С.Ф. Кечекьян [24, с. 85], а конкретный характер субъективного права – Н.В. Витрук [25, с. 7], Н.И. Матузов [26, с. 93]. Как и правоспособность, правомочия, предоставляемые лицензией на вид деятельности, носят абстрактный характер, поскольку они не позволяют определить тот круг конкретных правоотношений, участником которых может выступить лицензиат, а также объем и содержание его прав и обязанностей. Следовательно, лицензия на определенный вид деятельности легитимирует правоспособность лица в соответствующей сфере и предоставляет ему возможность вступать в различные правоотношения в связи с осуществлением этой деятельности, приобретать права и нести связанные с ней обязанности. Лицензирование отдельных хозяйственных операций применяется во внешней торговле. Правомочия, предоставляемые такой лицензией, носят конкретный характер. В ней указывается не только лицензиат, но и покупатель (продавец), сведения о контракте, в рамках которого осуществляется внешнеторговая операция, стране происхождения и назначения (отправки) товара, а также его описание, стоимость и количество. Таким образом, лицензия на экспорт или импорт предоставляет лицу субъективное право на перемещение через таможенную границу указанного в ней товара в процессе исполнения конкретной сделки.

Правомочия каждого лицензиата носят разрешительный характер. Однако особенности правового регулирования в той сфере, в которой он действует, обуславливают разный порядок допуска к осуществлению соответствующей деятельности (совершению отдельных хозяйственных операций) и приобретению лицензионных полномочий. С.С. Алексеев, исследуя общие дозволения и общие запреты в праве, пришел к выводу о существовании двух типов регулирования – общедозволительного и разрешительного [27, с. 235]. Общедозволительный построен на общем дозволении («дозволено все, кроме

* С.Н. Братусь в книге «Советское гражданское право: субъекты гражданского права» [22] отождествляет правосубъектность и правоспособность.

запрещенного)), а разрешительный – на общем запрете («запрещено все, кроме разрешенного»). Доступ в те области, где исходным, основополагающим началом правового регулирования является общий запрет, предоставляется в особом порядке. Так, согласно ст. 16 Закона Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 347-З «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» [28] право на осуществление внешней торговли отдельными видами товаров может ограничиваться путем закрепления за государством исключительного права на их экспорт или импорт. К числу таких товаров относятся калийные удобрения, алкогольная продукция, табачное сырье и табачные изделия, рыба и морепродукты, а также продукты их переработки. При реализации своего исключительного права государство проводит конкурсы, победителям которых выдаются лицензии, либо в одностороннем порядке устанавливает перечень этих лиц. В указанных случаях основой правомочий лицензиата является индивидуальное исключение из общего запрета. Иное положение существует в тех областях, где правовое регулирование построено на общедозволительных началах. Например, ветеринарной, аудиторской, медицинской, туристической деятельностью могут заниматься любые лица, соответствующие требованиям, установленным законодательством, при условии получения лицензии. В этих случаях правомочия, предоставленные лицензией, основаны на общем дозволении и носят легализующий характер.

Таким образом, лицензирование можно определить как правовое средство, при помощи которого реализуется право на осуществление предусмотренных законодательством видов деятельности (отдельных хозяйственных операций) путем принятия органом государственного управления по ходатайству заинтересованного лица индивидуального правоприменительного акта, легитимирующего правоспособность заявителя в соответствующей сфере или предоставляющего ему субъективное право на совершение определенных действий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Осинцев, Д.В. Разрешительная система в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Д.В. Осинцев; Уральск. госуд. юрид. академия. – Екатеринбург, 1995. – 24 с.

2. Малько, А.В. Льготы и поощрения как важнейшие правовые средства регионального законодательства / А.В. Малько // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 235-239.

3. Малько, А.В. Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / А.В. Малько; Саратовск. госуд. академия права. – Саратов, 1995. – 40 с.

4. Малько, А.В. Стимулы и ограничения в праве / А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. – 250 с.

5. Александров, Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Н.Г. Александров. – М.: Госюриздат, 1961. – 271 с.

6. Александров, Н.Г. Правовые отношения в социалистическом обществе / Н.Г. Александров. – М.: Московск. ун-т, 1959. – 45 с.

7. Братко, А.Г. О правовых запретах в социалистическом обществе / А.Г. Братко // Проблемы теории социалистического государства и права. – М.: Ин-т государства и права АН СССР, 1977. – 139 с.

8. Братко, А.Г. Запреты в советском праве / А.Г. Братко. – Саратов: Саратовск. ун-т, 1979. – 92 с.

9. Алексеев, С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1989. – 228 с.

10. Алексеев, С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С.С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2002. – 608 с.

11. Семенюта, Н.Н. Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Н.Н. Семенюта; Уральск. гос. юрид. академия. – Екатеринбург, 2000. – 26 с.

12. Рыбушкин, Н.Н. Реализация запрещающих норм советского общенародного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н.Н. Рыбушкин; Казанск. гос. ун-т. – Казань, 1986. – 21 с.

13. Рыбушкин, Н.Н. Запрещающие нормы в советском праве / Н.Н. Рыбушкин. – Казань: Казанск. ун-т, 1990. – 112 с.

14. Реутов, В.П. Структурирование правовой системы как выражение ее функциональных возможностей: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / В.П. Реутов. – Н. Новгород, 2004. – 70 с.

15. Братко, А.Г. Запреты в советском праве (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.Г. Братко; Саратовск. юрид. ин-т. – Саратов, 1979. – 18 с.

16. Александров, Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н.Г. Александров. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1955. – 176 с.

17. Алексеев, С.С. Структура советского права / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1975. – 264 с.

18. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.12.2009 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

19. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть): Кодекс Респ. Беларусь, 19 дек. 2002 г., № 166-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.12.2009 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

20. О пожарной безопасности: Закон Респ. Беларусь, 15 июня 1993 г., № 2403-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.06.2007 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

21. Братусь, С.Н. Субъекты гражданского права / С.Н. Братусь. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. – 367 с.

22. Советское гражданское право: субъекты гражданского права / С.Н. Братусь [и др.]; под ред. С.Н. Братуся. – М.: Юрид. лит., 1984. – 288 с.

23. Кудашкин, В.В. Отказ лица от действий, разрешенных лицензией, как средство реализации правоспособности и субъективного права / В.В. Кудашкин // Государство и право. – 1999. – № 11. – С. 22–24.

24. Кечекьян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С.Ф. Кечекьян. – М.: Акад. наук СССР, 1958. – 187 с.

25. Витрук, Н.В. Субъективные права советских граждан и их развитие в период строительства коммунистического общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Витрук; Киевск. гос. ун-т. – Киев, 1965. – 20 с.

26. Матузов, Н.И. Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права / Н.И. Матузов. – Саратов: Саратовск. ун-т, 1972. – 292 с.

27. Проблемы теории государства и права: Учебник / С.С. Алексеев [и др.]; под ред. С.С. Алексеева. – М.: Юрид. лит., 1987. – 448 с.

28. О государственном регулировании внешнеторговой деятельности: Закон Респ. Беларусь, 25 нояб. 2004 г., № 347-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.